

СЯ

СЕМЬЯ И ШКОЛА

3. 2000

Мария

страница

12

Щадящий экзамен

страница

7

Непоседы

страница

8

Любимовские
Хроники

страница

36

Необыкновенная
арифметика

страница

44

журнал для родителей

со работники

Наталья Машер

«Не говорите мне о надежде, господин аббат, когда я каждый день нахожу в комнате сына все то же: ватку, шприц и жгут».

Это цитата из письма матери подростка-наркомана аббату Пьеру де Парсево, автору книги «Священники наркомания», вышедшей в Париже в 1986 году. Целью книги было изменить отношение общества к наркоманам и убедить тех, кого касается эта беда — а она касается всех, — объединить усилия. Отец Пьер — приходской священник в парижском пригороде и вице-президент Национального семейного общества борьбы с наркоманией (НСОБН). Пишет он не цветисто, не злоупотребляя высокими словами и почти ничего не рассказывая о себе: «Мне хотелось бы стать голосом тех, кто уже не может говорить». Главные достоинства его книги — искренность и документальность, она на добрых три четверти состоит из живых свидетельств. И вся дышит надеждой, хотя в ней очень мало историй с хэппи-эндом.

...О. Пьеру позвонили родители Жоржа, арестованного за кражу медикаментов в состоянии ломки. Священник выступил на суде в защиту обвиняемого, однако юноша был приговорен к полтора годам тюремного заключения. На первых страницах книги приведены выдержки из стенограммы судебного заседания. В ответ на слова адвоката о социальной сущности наркомании судья вполне по-советски отвечает: «Но не все же становятся наркоманами. И вы (обращаясь к подсудимому. — Н.М.) не стали бы забавляться со шприцем, если бы работали, приходили домой уставшим и засыпали здоровым сном». Судье вторит прокурор: «В тюрьме он оторвется от дурной привычки и поправит здоровье».

И тогда молодой священник стал обзванивать разные организации, занимающиеся проблемой наркотиков, и предлагать свои услуги в качестве добровольного помощника. Ему порекомендовали «обратиться к психологу, чтобы распознать глубинную мотивацию желания бесплатно возиться с наркоманами». Мотивация действительно была глубокой: «Я не могу посиживать в кресле, когда рядом страдают люди, иначе какой же я христианин!» Его приняли работать в НСОБН, и вскоре он стал одним из его руководителей. Вот отрывки из писем, которые он получал и получает ежедневно.

«Филиппу пришлось хлебнуть лиха на своем веку. Сейчас он живет словно в вакууме. А мы, его родители, морально истощены, конца же не предвидится. Больше всего мы боимся срыва, потому что это начало нового круглосуточного ада. Как помочь ему? Сам он не видит выхода, а ни мы, ни педагоги ничего не можем решить за него. Я много раз писала в газеты, надеялась на помощь других родителей и получала ответы, продиктованные желанием помочь, но такие смешные: «На вашем месте я бы обратилась к врачу», «Я бы переехала в другой город», «Сходите к психологу», «Молитесь, и все будет хорошо». Мне давали указания, что я должна делать, как будто все шесть лет я сидела сложа руки!

Самое насущное — это жизнь изо дня в день... А чем мы предлагаем ему наполнить эту жизнь? Психотерапию он проходил вместе с душевнобольными, которые не считали его за человека.

Он перепробовал столько способов лечения, что пресытился. От нормальной жизни он давно отлучен. Что же касается работы, куда только он ни пробовал наниматься, но без толку. Бывало, нам даже говорили, что наркоман годится только на самую черную работу. Но какой же стимул

у него остается, как помочь ему выкарабкаться и жить? Ведь он так и будет твердить: «Наркотики для меня важнее всего на свете.» И каждый день цель одна: раздобыть денег, уколоться и «улететь». Наркотик задает ритм жизни.

Мой муж ждет, чтобы глаза у сына хоть на день прояснились. А сын ждет от отца ласкового слова. Разные регистры, разные языки — полное непонимание. Судя по всему, Филипп ни о чем не жалеет. Мать Филиппа».

«Ребенок не просил, чтобы его рожали. Не просил жизни. Отец с матерью любили друг друга, а он появился почти нечаянно. Этот ребенок — я. Значит, я, как любой человек, имею право жить как хочу.

В один прекрасный день я влип в наркотики. И не смог вырваться. Пытался лечиться в реабилитационном центре. Но так ли уж старался? Так ли хотел бросить? Или просто не имел там возможности колоться?

Скоро я снова сорвался. Попал в тюрьму. А когда вышел, оказался один, без семьи, без крыши над головой, без работы (попробуй найди работу с судимостью за наркотики!). Несколько дней держался, потом снова сошелся со старой компанией. Тут меня понимали, принимали, тут было где спать и что есть.

Я сделал слабую попытку выкарабкаться. Но в медицинском центре со мной поговорили десять минут и решили, что у меня мало желаний и потому меня нельзя взять. Тогда я поплелся в больницу. Два часа прождал в очереди, наконец врач, почти не глядя на меня и не отрываясь от чтения каких-то бумаг, заявил, что я не подлежу госпитализации — нет смысла. Вот если бы у меня не было ломки, тогда положили бы .

Что оставалось делать — я завяз еще глубже. Посылаю вам этот крик души. Не знаю, что со мной будет завтра, знаю только, что сегодня мне... всем нам сегодня неоткуда ждать помощи. Франсуа».

Сейчас во Франции произошел тот перелом в общественном сознании, на который надеялся Пьер де Парсево. Нам же и теперь далеко до уровня, который не удовлетворял его двадцать лет назад. К тому времени в его стране уже существовала сеть реабилитационных центров, государство предоставляло льготы работодателям, согласившимся трудоустроить бывших наркоманов. А что есть у нас? Быстрее и проще перечислить, чего нет. Зато — есть такой же священник

Село Ромашково под Москвой, храм Святителя Николая — этот адрес известен уже многим. Каждую субботу среди ждущих исповеди у настоятеля, отца Алексия Бабурин, можно увидеть молодых ребят, часто в сопровождении матерей, явно пришедших сюда впервые. Они подолгу беседуют со священником, тихо уходят. Все выглядит спокойно и вполне обыденно. И только зная, с какой болью приходят эти люди, удивляешься неизменной приветливости и улыбочности о. Алексия. Этим французский и русский священники похожи друг на друга — взгляните, какие веселые лица!

В ромашковской книге посетителей есть датированная 4 августа 1992 года запись: «Был счастлив побывать здесь, в центре помощи наркоманам и их семьям. Пусть будет удачным ваше начинание. Главное — вернуть больному человеческое достоинство и избавить родителей от чувства вины. Желаю успехов в развитии реабилитационной общины и в реставрации храма. Надеюсь, мой визит положит начало дружеской связи между нами, станет взаимным стимулом в помощи наркоманам, которой каждый из нас занимается по мере сил. Да хранит и благословит вас Господь. Отец де Парсево, вице-президент НСОБН (Париж, Франция)». Рядом — приписка Реми, одного из подопечных о. Пьера: «Рад познакомиться с «батюшкой» (написано по-русски. — Н.М) Алексием, первым священником-психиатром, которого я встретил за три посещения России».

Согласитесь, священника-психиатра и нарколога нечасто встретишь, не то что наведываясь в Россию изредка, но и живя здесь постоянно. О. Алексей долгое время сочетал врачебную и пастырскую практику; вел прием наркологических больных в 11-м городском наркодиспансере и руководил программой помощи наркоманам в ромашковской больнице. В том самом 1992 году, когда его посетил французский собрат, он уже не в первый раз ездил в Рим стажироваться в итальянском центре «Солидарность», где готовят специалистов по реабилитации алкоголиков и наркоманов. В Ромашкове уже несколько лет работает клуб трезвости, собираются группы наркозависимых. Кроме того, он служит в храме Божией Матери Целительницы, открытом в Центре психического здоровья при его непосредственном участии. Впрочем, протокольный перечень заслуг не дает представления о живом человеке.

Сегодня я обращаюсь к двум, по выражению апостола Павла, «со-работникам у Бога» с далеко не оригинальными вопросами. Что же такое наркомания? Как к ней относиться? Можно ли излечить? Мне кажется, если быть совсем честными, большинство людей должно ответить на них очень коротко: «Не знаем». Однако куда уютнее иметь набор стереотипных убеждений, точнее предрассудков, на все случаи жизни. Попробуем непредвзято разобраться, где правда, а где миф, листая страницы книги Пьера де Парсево и беседуя с о. Алексием Бабуриным в его кабинете в Ромашкове.

— Правда ли, что наркоманами становятся только дети из неблагополучных семей или, наоборот, балованная золотая молодежь? Может быть, это просто результат плохого воспитания, распущенности? Или это такая диверсия: влияние Запада, происки наркодельцов? Или просто мода?

— К сожалению, сегодня нет такого слоя общества, который не столкнулся бы с этой проблемой. Наркоманы вырастают не только в неблагополучных семьях, это далеко не всегда люди, которые могут позволить себе что угодно. Беда вторгается и в нормальные, культурные, интеллигентные семьи. Среди верующих тоже немало страдающих наркотической зависимостью. Когда говорят о распущенности молодежи, забывают, что она растет не в вакууме. Так что причины всеобщей наркотизации надо искать не в какой-то особой испорченности молодого поколения, а в том, какими ценностями, какими идеалами живем мы все. Что же касается наркомафии, бороться с ней, конечно, нужно, но, не будь спроса, не было бы и предложения. Мода... Это очень удобная точка зрения. И я знаю, ее придерживаются многие, так сказать, официальные лица, причем не только чиновники, но и наркологи. Разуверившись в том, что наркоманию можно излечить, они убеждают себя, что это временное поветрие, само пройдет, и нечего деньги тратить. Вот иностранцы затратили огромные средства, а что толку? Но толк-то есть. Если бы в развитых странах не проявляли заботу о молодежи, картина сейчас была бы катастрофической. Вложения, которые делаются в борьбу с наркотиками, дают реальные результаты. Отмахиваясь от этого опыта, наши специалисты просто расписываются в пассивности и бессилии.

Пьер де Парсево: «Семьи, неуязвимые для наркотиков, - это миф, которому давно пора развеяться. Молодежь сталкивается с наркотиками повсеместно. Наркотоштрафчики процветают и наживаются на ситуации, которую они не могли бы создать искусственно. Не пора ли нам задуматься о том, что при всеобщем и все нарастающем бездушии, крахе всех личностных ценностей необходимо найти точку соприкосновения поколений, время и место для общения друг с другом?»

— Если наркомания — такая же болезнь нашего века, как СПИД, то можно надеяться, что когда-нибудь наука докопается до ее первопричин и врачи найдут наконец эффективное лекарство?

— Ох, как было бы хорошо! Проглотил таблетку — и вылез! Увы, это невозможно. Даже самые лучшие врачи, используя медицинские средства, имеют дело лишь с одной из сторон наркомании. Это комплексное заболевание, которое недаром называют социо-био-психологическим или социо-био-духовным. Страсть, привычка, химическая зависимость, образ жизни — различные составляющие этого комплекса. Все односторонние попытки избавить наркомана от одной из них, пренебрегая остальными, обречены на провал. Это действительно пустая трата сил и средств. Все зависит от концепции врача, психолога, священника, педагога. Плохо, если он разделяет расхожую точку зрения. Надо бы, чтобы все специалисты корректировали свои представления о наркомании. Я убежден, что безвыходных ситуаций не бывает. Важно объединить усилия всех заинтересованных в оказании помощи — и чтобы каждый действовал правильно. В первую очередь это относится к родителям.

— Обычно родителей наркомана тяготит чувство вины, стыда, они стараются скрыть свое несчастье от чужих глаз. Главное же, не могут понять, как вести себя с больным. Что посоветовать им?

Пьер де Парсево: «Роль семьи в преодолении болезни огромна. Только семья может противостоять тяге наркомана замкнуться в иллюзорном мире, только она может помочь ему любовью, долготерпением, готовностью быть рядом на всем пути, который нередко растягивается на месяцы и даже годы. Любовь — то, в чем больше всего нуждаются наши дети, и, даже если они как будто отворачиваются от родителей, на самом деле жаждут именно семейного тепла. И кому же, как не семьям, бороться с враждебностью общества, отстаивать право и возможность социальной адаптации своих детей? Кто заступится за них, если не родные? Не медикам решать житейские проблемы, с которыми они сталкиваются: где жить, как устроиться на работу, как освоиться в новом мире... НСОБН — это еще и попытка отстоять достоинство родителей наркоманов. Кто из нас, пытавшихся создать объединение, не слышал советов «держаться тише воды, ниже травы»? Как будто наша беда и наши нужды — что-то постыдное и мы должны скрываться от людей! Кто полагает так, тот забывает, что при наличии определенного вещества, определенных особенностей личности и определенного состояния общества наркомания возникает у молодого человека из любой среды. Она не щадит никого, в том числе наркологов. Разумеется, родители наркоманов не выключаются из жизни, продолжают заниматься своей работой. При этом у них должно хватить любви, мудрости и душевных сил, чтобы сделать все, чего требует ситуация. Наркоман в семье — это бедствие, которое терпит дорогой для вас человек. И его близкие в силах построить свое поведение и свои отношения с ним оптимальным образом, даже если нет никаких организаций, где бы их этому

— Научиться разумной любви — трудная задача. Не бросать своих детей, не озлобляться, постараться их понять и принять, но в то же время не позволять собой манипулировать, не брать на себя всю ответственность за них. Все это легко сказать... — Первое, о чем думают родители наркомана: где и как его лечить? Можно ли назвать самый действенный способ лечения?

— Мировой опыт, на сегодня уже очень богатый, говорит, что наибольший эффект дают так называемые терапевтические общины или реабилитационные центры.

Для молодого человека, страдающего наркоманией, прежде всего необходимо изменение привычной среды. Ему нужен новый круг общения, новые, конструктивные отношения со сверстниками. Все это он найдет в центре. Здесь его никто не осуждает, он попадает в атмосферу любви, участия. С ним работают врачи, психологи, добровольные помощники, часто из числа бывших наркоманов, отлично понимающих его трудности. В таких центрах непременно трудятся и священники. За границей таких центров очень много. В нашей стране их можно пересчитать по пальцам. Но все же они есть, и их становится все больше. Из того, что известно мне, я могу назвать фонд «Возвращение» в Петербурге, который возглавляет Дмитрий Владимирович Островский. В его центре проводится лечение и реабилитация наркоманов в несколько этапов. Ребята живут за городом, они могут работать на ферме, в мастерских — швейных, столярных, иконописных, в пекарне. С ними занимаются психотерапевты, которым помогают студенты-психологи, питерские семинаристы. Среди пациентов, персонала и добровольцев люди верующие и неверующие. Лечение здесь бесплатное. У нас в Москве при 17-й наркологической больнице на Симферопольском бульваре есть центр социально-психологической помощи «Возрождение». Руководитель — Юрий Аркадьевич Вяльба. Помимо амбулаторного лечения в городе, ребята едут в общину в поселке Черкизово Пушкинского района. За основу здесь принята программа двенадцати шагов, которой пользуются сообщества Анонимных Алкоголиков и Анонимных Наркоманов, только все же ориентированная на христианство. Впрочем, пациентов не спрашивают об их вероисповедании. Курс реабилитации рассчитан на 35 дней и стоит 1400 долларов. Но, надо сказать, эти деньги честно отработываются. Трудотерапии в этом центре нет, но психологи и социальные педагоги работают с ребятами буквально с утра до вечера. Есть еще несколько бесплатных центров. Например, реабилитационный центр в поселке Орехово Калининградской области, существующий с 1995 года. Здесь применяется методика Марка Катаньского. У Катаньского в польском «Монаре» учились и супруги Фалькович, открывшие в поселке Гагаринка Ярославской области «Дом Марии». Фальковичи — католики, но, разумеется, и здесь никакого отбора по конфессиональному признаку нет. Одна из первых общин для наркоманов — «Новая жизнь» Сергея Матевосяна под Кингисеппом. Он работает с тяжелыми, запущенными случаями. Первых пациентов он подбирал в подвалах на улице Дыбенко в Питере. Мыл, кормил, да-

вал приют. Все это были молодые ребята. Сереже помогают финны-протестанты. Как видите, в деле милосердия между христианскими церквями разногласий нет. С недавних пор существуют православное церковно-общественное движение «Дети без наркотиков», центр медико-социодуховной реабилитации «Ступени к храму».

С другой стороны, нередко рекламируются и применяются варварские — не подберу другого слова — методики. Например, где-то в Сибири наркоманию пытаются лечить с помощью термических ванн: сажают больного и нагревают воду до 42 градусов, обрабатывая при этом его сознание. Я отрицательно отношусь к таким методам. С их помощью можно иногда подавить влечение к наркотикам, но пациент рискует очень быстро приобрести другое, не менее губительное пристрастие. Ведь личность его не изменилась.

— Как раз у насильственных методов в нашей стране немало сторонников: сломать, запугать, вынудить — это традиционная у нас педагогика. Чтоб неповадно было! Не надо далеко ходить, ведь действующий сейчас в России закон о борьбе с наркотиками как раз и предусматривает репрессивный способ как наиболее эффективный. За хранение ничтожных доз наркотиков — тюрьма.

— Эффект таких мер близок к нулю. Никакой запрет не может изменить сознание человека, привести его к новому образу жизни, а именно такое обновление и требуется. Если бы репрессивные меры были сопряжены с педагогическими, тогда еще можно было бы ожидать положительных результатов. Но наши тюрьмы и зоны только в насмешку можно назвать исправительными. Люди здесь беспредельно унижены, они живут в антисанитарных условиях, плохо питаются, даже спать по человечески не могут, заражаются туберкулезом, педикулезом, чесоткой, гепатитом... Молодые ребята, нуждающиеся в помощи, оказываются среди преступников всех мастей, приобщаются к их опыту, усваивают их отношение к миру. Они озлобляются, видят, что никому не нужны, не представляют никакой ценности для государства. Значит, и нужно жить по волчьему закону, все брать силой. Направление заключенных в наркозоны — тоже полная нелепость. Лечить медикаментами нужно, когда есть абстинентный синдром, а туда человек попадает после нескольких месяцев следствия! Против влечения же лекарств пока нет, а если бы и были — на какие деньги их приобретать для заключенных? Не говоря уже о том известном факте, что в тюрьмы ежегодно проникает по 100-150 килограммов героина...

Наконец, часто в тюрьмы попадают по несправедливому, сфабрикованному обвинению. Я точно знаю это от многих наркоманов. Мне доводилось исповедовать не только их, но и судей, работников милиции, адвокатов, все признают эту практику, а ведь на исповеди не врут. Считается нормальным, что цель оправдывает средства, поэтому ради искоренения наркобизнеса (вопрос еще — всегда ли цель именно такова, нет ли других, корыстных интересов!) дозволены изуверские методы. Намеченному по оперативной разработке человеку подбрасывают наркотик, тут же организуют понятых, составляют протокол, потом жертву избивают или вынуждают угрозами и шантажом подписать признание. Фабрикуются дела, по которым тюрьмы наполняются больными людьми

— Это к вопросу о вседозволенности... Но вернемся к гуманным методам лечения. Вы сказали, что многие реабилитационные центры бесплатные. Значит, они для неимущих? Не лучше ли людям, располагающим средствами, поискать другие места? Пусть подороже, но, может быть, получше?

— Это еще один миф: где дорого, там добротнее. В случае с наркоманией это совершенно неверно. Разумеется, за лечение кто-то должен платить: надо покупать лекарства, оплачивать труд специалистов. Как правило, во всех развитых странах деньги вкладывают различные государственные, религиозные и общественные организации, жертвуют предприниматели, благотворительные фонды. Я говорю о другом: нельзя из несчастья извлекать прибыль. Сребролюбец не поможет наркоману — оба как два слепца упадут в яму. От всех, работающих с наркоманами, требуется жертвенность. Есть большой соблазн сделать деньги — они, можно сказать, сами идут в руки, — но поддаваться искушению нельзя. Помню, когда нам впервые говорили об этом в итальянском центре «Солидарность», многие удивлялись: почему помощь наркоманам должна быть бесплатной? Ведь у психологов существует обратная установка: платность предполагает определенную ответственность. Но нас уверяли: нельзя, не будет работать, есть опыт. И действительно, если молодые наркоманы видят, что на них зарабатывают, они не отвечают доверием на такое отношение. Бескорыстную любовь нельзя прописать больному, но без нее не

излечить наркомана. — К вам приходят те, кто выбрал определенный путь решения проблемы. Люди прибегают к помощи Бога, полагая, что это самое верное средство. Раз они дошли, раз принесли покаяние, значит, они уже спасены?

— Это только первые шаги по пути обретения свободы. У каждого этот путь — свой, особый. Но всегда требующий постоянных усилий. Заблуждается тот, кто ждет мгновенного решения: помолился, поисповедался, причастился, поставил свечку — и готово! Нет, Бог хочет, чтобы мы трудились, ежечасно работали над собой. Путь выздоровления в Церкви сопряжен с воцерковлением, то есть с духовно-нравственным совершенствованием, которое ведет к личностной зрелости. Только зрелая личность свободна. А коль скоро это путь, требуются время, жертвы, постоянные усилия. Это было бы невозможно для человека, не умеющего трудиться, но Церковь — это общество верующих, которым небезразлична судьба ближнего и которые хотят разделить его бремя. Поэтому всякий, кто оказался в храме, получает не только благую помощь Бога, но и человеческую поддержку.

— Часто под воцерковлением понимается приобщение к церковным обрядам, церковному календарю, это действительно нетрудно сделать в любом храме. Но все ли призванные оказывать помощь готовы к этому?

— Тут сразу два вопроса. Конечно же, воцерковление не сводится к исполнению правил. Как таинство не сводится к обряду. Многие относятся к ним по-язычески или, если хотите, потребительски, ищут что-то вроде таблеток или волшебной палочки. Наберут святой водички, придут разок на исповедь — глядь, помогло! Как курс физиотерапии. Прошел — и забыл, для чего все это. Иные строят отношения с Богом на договорной основе, как будто храм — комбинат духовных услуг. Я тебе свечку, ты мне исполнение желаний. В общем-то все это кощунство. И тот, кто приходит в Церковь с такими установками, сам себя обманывает и потому неизбежно разочаруется: «Не помогает!» Таинства предполагают активное участие в них человека. Церковь не дает немедленного избавления от болезни, она предлагает большее: очистив совесть, душу, начать жить трезво, благочестиво. Ну а готовность священника к настоящему служению зависит от его духовного развития. Если говорить о помощи наркоманам, то, конечно, тут одних добрых намерений мало. Сейчас, вот уже четыре года, в духовной семинарии и академии преподается курс пастырской психиатрии с основами наркологии. Подготовлено четыре выпуска молодых священников, которые, надеюсь, не будут проходить мимо больных и страждущих, а станут им служить со знанием дела и от всего сердца.

Пьер де Парсево: «Попробуем понять, что каждый из нас отвечает перед Богом за свой свободный выбор. Не Бог навязывает нам образ жизни. Мы сами, исходя из наших земных, материальных возможностей, выбираем свой путь, определяем свое будущее. Долг и заслуга каждого получившего крещение человека — жить совершенной жизнью, которая заключается в любви к Богу и ближнему. Что делать, чтобы возлюбить Бога всем сердцем? Я думаю, самое верное средство — это просто учиться бескорыстно любить. Секрет прост: умение приходит в учении. Мы учимся говорить в разговоре, работать — в работе, а любить Бога и ближнего — в любви».